

НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ «КРУТОЙ МАРШРУТ» ЕВГЕНИИ ГИНЗБУРГ

Рассмотрена специфика представления двух повествовательниц в нарратологической структуре книги «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Молодая рассказчица является носителем коммунистической идеологии и представляет Иосифа Сталина виновником политических репрессий 30-х годов XX века. Её голос преобладает в первой части книги. В дальнейшем показано, как Гинзбург избавляется от влияния пропаганды, становится свободной личностью. Голос пожилой повествовательницы, выражающий данные изменения, становится основным во второй половине произведения.

Ключевые слова:

Евгения Гинзбург, «Крутой маршрут», нарратология, повествователь.

Ван Линь. Нарратологические особенности книги воспоминаний «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 1. – С. 60–63.

© Ван Линь – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: wanglin89@yandex.ru

Книга воспоминаний Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» – яркий пример мемуарной «лагерной» прозы; произведение, представляющее собой рассказ о сталинских репрессиях очевидца, ставшего жертвой этих репрессий. В 50–60-х годах прошлого века появление книг такой тематики, авторы которых с разной степенью достоверности описывали собственный опыт пребывания в сталинских застенках, символизировало собой изменения в нравственно-идеологических установках общества.

Исследованием лагерной прозы, начиная с 1980–90-х годов, занимается ряд литературоведов. Большая часть научных работ посвящена таким произведениям тюремно-лагерной литературы, как «Колымские рассказы» В. Шаламова ([1, 3] и др.) и «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына ([5, 6] и др.). Книга Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» [4] становится предметом внимания исследователей редко, хотя её неоспоримые идейно-художественные достоинства делают произведение одной из наиболее интересных книг тюремно-лагерной мемуарной прозы. Значительного исследования данного произведения в российском литературоведении пока нет; авторы тех работ, где книга упоминается, ограничиваются краткими комментариями, касающимися какой-то из сторон биографии Е.С. Гинзбург, событий, пережитых автором. В. Турбин сравнивает судьбу писательницы с судьбами жён декабристов [10]. С. Сивоконь рассматривает «арестантские типы», созданные в «Крутом маршруте» писательницей [9]. Ю.А. Сатилина и Н.В. Казанова анализируют образы жен-

щин, созданные в произведениях «Реквием» А.А. Ахматовой и «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург [7], А.В. Сафронов затрагивает вопрос о жанровом своеобразии произведения [8]. Структура повествования «Крутого маршрута», особенности выражения в нём образа повествователя литературоведами не затрагиваются.

Цель статьи – рассмотреть нарратологическую специфику книги Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» и выявить особенности повествователя в произведении.

Книга воспоминаний «Крутой маршрут» представляет собой многоплановое произведение со сложной идейной структурой, в произведении сочетаются черты официальной советской литературы о культуре личности и диссидентских произведений, что уже отмечалось нами ранее [2]. Данная сложность и многоплановость не могла не отразиться на повествовательной структуре произведения, демонстрирующей неоднозначные и порой противоречивые воззрения автора. Наличие различных оценок культуры личности Сталина (официальной, согласно которой лишь Сталин был виноват в происходивших в стране беззакониях, партия же была чиста и сама стала жертвой бесчинств тирана, и неофициальной, согласно которой именно ущербность самой коммунистической идеологии стала причиной репрессий) не могло не отразиться на образе повествователя, являющемся стержневым образом книги.

На наш взгляд, в структуре повествования можно выделить два образа – молодой Евгении Гинзбург, глазами которой мы видим происходящее, начиная с 1935 года,

и более старшей повествовательницы, создающей произведение спустя два десятилетия после описываемых событий. Первая – убеждённая коммунистка, верная идеалам коммунистической партии и считающая виновным в собственных страданиях и трагедии своей страны главного тирана – Иосифа Сталина. Вторая – более зрелая и мудрая женщина, бесконечно далёкая от коммунистической идеологии, сумевшая много понять в ходе восемнадцати лет злоключений и пришедшая к выводу, что не только Сталин виновен в происходящем. Образы двух повествовательниц по-разному проявляются в течение книги, в разных её частях. С одной стороны, они противостоят друг другу, с другой – сливаются в некоторые моменты повествования. Их сложное взаимодействие и обуславливает специфику нарратологического строя книги.

В начале книги, в её первой части, определяющим, основным настроением является настроение тридцатилетней коммунистки, которой была Е.С. Гинзбург в конце 30-х годов прошлого века. У героини нет пока сомнений в верности и непогрешимости курса партии. То, что против неё начинают выдвигаться обвинения в неблагонадёжности, кажется Евгении чудовищной ошибкой. Сейчас, в самом начале пути, она ещё не понимает, что начался её «крутой маршрут». Ей кажется, что всё можно исправить, объяснить, оправдаться. Молодая Гинзбург удивляется происходящему, с трудом верит в то, что происходит с нею и другими героями, «настоящими партийцами». Голос более старшей повествовательницы звучит здесь в виде комментариев, показывающих, что ей открыто многое, ещё не понятное молодой Гинзбург. Например, комментируя взгляд одного из первых людей в своём окружении, попавших под машину репрессий, Николая Эльвова, она пишет: «Потом я много видела таких глаз, какие были в тот день у рыжего профессора. Я не знаю, какими словами определить эти глаза. В них мука, тревога, усталость загнанного зверя и где-то, на самом дне, полубезумный проблеск надежды. Наверно, у меня самой были потом такие же». Для пожилой рассказчицы важно переосмыслить свои чувства и идеи начала «крутого маршрута», найти им объяснение и оправдание, а затем – показать, как она изменилась за прошедшие два десятилетия. В этом случае существование в структуре текста двух повествовательниц является, как нам кажется, осознанной авторской

стратегией, позволяющей автору показать себя тридцатилетнюю молодую, неопытную, наивную и оправдать тем самым свою политическую недалекость. При этом даже здесь, в начале повествования, два авторских голоса нередко сливаются, и мы понимаем, что Е.С. Гинзбург не так уж и изменилась за прошедшее время. Она по-прежнему склонна к мелким обидам, стремится доказать свою невиновность, не понимая, что степень вины в тех условиях была совершенно неважным фактором. В любом случае голос старшей Гинзбург в начале повествования звучит намного тише, чем этого можно было бы ожидать, с учётом обычного для человека желания поучать молодых с позиций более опытных. На передний план вынесен голос молодой Гинзбург, выражающий официальную идеологию времён «оттепели».

Функции и соотношение повествовательлей во второй части книги несколько меняются. В начале второй части повествовательница не очень много пишет о себе, здесь главным становится описание различных людей – типажей, окруживших её на этапе и в лагере. Голос старшей повествовательницы выполняет функции «вещульки», как бы вскользь упоминающей о том, что стало с каждой из описанных женщин. Комментарии несколько театральны и всегда касаются какой-то яркой черты описанного типажа. К примеру, если героиня не терпит безделья и стремится работать («Вечную мерзлоту руками рыть буду, ей-богу!»), то комментарий соответствующий: «Аня Шилова умрёт в лагерной больнице от болезни почек, нажитой непосильным физическим трудом».

Далее во второй части мы можем наблюдать, как постепенно стирается контраст между первой и второй повествовательницами. И не первая приближается ко второй, что было бы естественно с учётом того, что идёт время и молодая Евгения набирается опыта, становится более мудрой. Нет, скорее вторая приближается к первой. Она по-прежнему полна мелких обид, для неё имеет значение то, кто больше виновен из окружающих её людей. Всей диалектики происходящего героиня не может постигнуть. Она всё ещё во власти стереотипов и не избавилась от давления коммунистической идеологии, согласно которой «верные коммунисты» должны быть наказаны менее жестоко, чем те, кто не стоял полностью на коммунистической платформе. Несправедливость для Е.С. Гинзбург состоит в том, что «среди наших, несмотря на большие сроки и жес-

токий режим..., преобладали ортодоксальные коммунисты, работники партийных аппаратов, партийная интеллигенция, не состоявшая в оппозициях».

Объединяет рассказчиц в первой и второй частях негативное отношение к Сталину, эта константа присутствует в высказываниях героини в течение всего повествования. Её возмущает непонимание многими заключёнными роли Сталина в происходящем: «Вопреки всему из 76 путешественниц седьмого вагона по крайней мере двадцать с упорством маньяков твердят, что Сталин ничего не знает о творящихся беззакониях».

Изменение образа главной героини во второй части происходит под влиянием двух людей, появляющихся в жизни Е. Гинзбург и соответственно на страницах книги. Ортодоксальная коммунистка Циммерман, начальница Эльгенского лагеря, показывает Евгении Семёновне, до каких нечеловеческих пределов может довести личность бездумное следование коммунистической идеологии, не сочетающееся с гуманизмом. Доктор Антон Вальтер, католик, заключённый, показывает, что доброта и гуманизм являются главными качествами настоящего человека, который, не являясь коммунистом, превосходит всех окружающих по уровню своей человечности. В мировоззрении рассказчицы наступает перелом, отразившийся на нарративной структуре текста.

Третья часть книги, в которой говорится о периоде после заключения, когда героиня находилась на поселении, а затем была реабилитирована, в корне отличается от двух предыдущих авторскими трактовками происходящего. Есть изменения и в сформированной в предыдущих частях произведения системе двух повествователей произведения. Мы наконец видим Гинзбург освободившейся от коммунистической идеологии, её заблуждения преодолены. Теперь она гораздо более искренна и более симпатична читателю. Разница в возрасте между героиней и повествовательницей становится всё меньше, схожи теперь и их идеологические установки, поэтому повествовательницы практически сливаются. Образующаяся пустота в мировоззрении, ранее бывшем коммунистическим, заполняется сначала суеверием, затем – верой в Бога.

Комментариев старшей повествовательницы по поводу происходящих с героями событий становится всё меньше, голос старшей повествовательницы звучит громче и вытесняет из нарратологической

структуры текста голос младшей. Точнее, они окончательно сливаются. Эта Гинзбург совершенно не похожа на ту, которая в начале книги желала представить на суд зрителей рассказ «настоящей коммунистки». Становится окончательно ясно, что представленный в начале книги посыл является не более, чем данью цензуре. Для писательницы в 60-х годах было важно представить своё повествование таким, каким хотела видеть книги этого рода официальная власть.

Евгения Гинзбург, какой мы видим её в третьей части, уже без пиетета относится к коммунистической идеологии, восторженности по поводу курса партии как не бывало. Здесь она понимает, что чувства, некогда испытываемые ею по поводу коммунистических идеалов, были вызваны лишь повсеместной и активной пропагандой этих идеалов. Её теперь удивляют люди, продолжающие верить пропаганде: «Наивная доверчивость их по отношению к официальной пропаганде была так сильна, что они попросту не верили глазам своим, наблюдая колымские явления жизни...», хотя не так давно сама рассказчица была такой же.

Образ автора в третьей части гораздо более искренен, натурален, и поэтому более симпатичен читателю. Возможно, какую-то роль здесь сыграло и исчезнувшее противоречие между двумя рассказчицами – пожилой и молодой. Повествование становится более цельным и естественным, так как исчезает необходимость в акцентировании противоречий между двумя повествовательницами.

Утратившей коммунистическую идеологию Евгения Гинзбург удаётся сохранить душевность и доброту, не озлобиться, как это происходит со многими её знакомыми: «Бывший коммунист, притом пламенно верующий, он, пройдя через все наши круги ада, переживал теперь неизбежные сумерки кумиров, и это перерастало у него в отрицание реальной силы добра вообще». Находящиеся рядом люди, в первую очередь, Антон Вальтер, помогают ей в этом. Кроме того, гарантией сохранения человечности становятся и чисто женские хлопоты: бурная деятельность по соединению с сыном Васей, работа в детском саду и, конечно, усыновление Тони. Благодаря Антону Вальтеру, в мир Гинзбург постепенно входит вера.

Благодаря освобождению от нравственных оков коммунизма, Евгения Семёновна обретает свободу. Она свободна от пропагандистского влияния, её воспри-

ятие действительности перестаёт быть зашоренным. Наблюдаемое ранее противопоставление двух рассказчиц в нарратологической структуре повествования теперь выглядит надуманным и вызванным исключительно цензурными целями.

Итак, в сложной нарратологической структуре книги воспоминаний Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» отчётливо слышны голоса двух повествовательниц – молодой, возраст которой соответствует описываемому в произведении времени, и более старшей, возраст которой соответствует времени создания книги. Соотношение двух повествовательниц в трёх частях книги отличается, что отражает изменения в мировоззрении героини, а также связано с цензурными требованиями, которые стремилась выполнить писательница. В первой и частично второй частях книги мы видим разницу между молодой повествовательницей, голос которой выражает веру в коммунистические идеалы и стремится показать читателям невинность партии

в происходящих беззакониях, выставив виновным одного человека – Иосифа Сталина, и пожилой, сумевшей преодолеть это заблуждение. В данных частях мы видим противоречие, заключающееся в недостаточном понимании пожилой Гинзбург диалектики происходящего. Начиная со второй части книги и особенно в третьей мы видим новую Гинзбург, открывшую для себя жизненную правду, свободную от пропагандистских воззрений. Образ рассказчицы становится целостным, единым, исчезает расщепление личности повествовательницы. По нашему мнению, идеологическая направленность первой части книги, вызвавшая противоречия в нарратологической сфере произведения, обусловлена стремлением автора угодить требованиям советской цензуры и представить для публикации произведение, в котором присутствует критика личности Иосифа Сталина и отсутствует критическое восприятие деятельности коммунистической партии.

Список литературы:

- [1] Антипов А.А. Новеллистическая природа «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Магадан, 2006. – 21 с.
- [2] Ван Линь. Роман Е. Гинзбург «Крутой маршрут» в контексте лагерной прозы // Успехи современной науки и образования. Т. 2. – 2016, № 7. – С. 108–111.
- [3] Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. – М.: Республика, 1998. – 176 с.
- [4] Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Хроника времён культа личности. – М.: АСТ, 2008. – 715 с.
- [5] Киреева Т.В. Документально-художественный синтез как лингвориторическая дискурсивная стратегия (А.И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ») // Sochi Journal of Economy. – 2009, № 2. – С. 136–144.
- [6] Мухамед Наср эль-Дин Мухамед Эль-Гибали. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Проблема автобиографизма / автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 21 с.
- [7] Сатилина Ю.А., Казанова Н.В. ГУЛАГ: Портреты женщин (по материалам произведений «Реквием» А.А. Ахматовой и «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. и круглого стола. – Волгоград: Волгогр. научн. изд-во, 2015. – С. 45–50.
- [8] Сафронов А.В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза) / Уч.-метод. пос. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2015. – 148 с.
- [9] Сивоконь С. Скромная знаменитость // Семья и школа. – 1991. № 4. – С. 52–53.
- [10] Турбин В. Долюшка женская // Знамя. – 1990, № 4. – С. 226–228.